

Лукин А.Л.

**Перевоплощения японской геополитики
(рецензия на книгу В. В. Совастеева «Геополитика
Японии с древнейших времен до наших дней».
Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 132 с.)**

**Reincarnations of the Japanese geopolitics (The review of V.V. Sovasteev's book
«Geopolitics of Japan since the most ancient times up to now».
Vladivostok: Publishing house of Far East National University, 2009. 132 p.)**

Статья представляет собой рецензию на книгу профессора ДВГУ Виталия Совастеева «Геополитика Японии с древнейших времен до наших дней». В книге прослеживаются истоки японского геополитического мышления, рассматриваются его наиболее важные этапы, а также анализируются его движущие факторы и причины.

Ключевые слова: *Япония, геополитика, внешняя политика, рецензия.*

The article reviews a book Japan's Geopolitics: from the ancient times up to the present day by Far Eastern National University professor Vitaliy Sovasteev. This book traces the origins of Japanese geopolitical thinking, overviews the most important stages in its evolution as well as analyzes its main driving factors and causes..

Key words: *Japan, geopolitics, foreign policy, review.*

Профессор Дальневосточного государственного университета, доктор исторических наук Виталий Совастеев по праву считается одним из наиболее авторитетных отечественных специалистов по японской общественно-политической мысли. Его новая книга посвящена эволюции геополитики Японии и охватывает обширнейший временной период с древности до конца XX века. Хотя книга аннотируется как учебное пособие, ее можно смело рекомендовать не только студентам и аспирантам, но и всем, кто интересуется Японией, ее внешней политикой, а также международными отношениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Геополитика – весьма многозначный термин и различные авторы зачастую трактуют его очень по-разному. В рецензируемой работе не содержится дефиниции этого понятия, однако из текста с достаточной очевидностью следует, что под геополитикой понимается набор основных приоритетов внешней политики государства, а также подкрепляющие их концепции и идеологические конструкции. Геополитика возникает из сложного взаимодействия объективных природно-географических условий существования государства, постоянно меняющегося международного баланса сил вокруг него, внутренних социально-политических тенденций развития общества и интеллектуально-идеологических процессов.

Композиция работы построена по хронологическому принципу на основе выделения ключевых этапов в развитии геополитики Страны восходящего солнца. Первый, традиционалистский, период формирования геополитических представлений берет начало с V-VIII вв. н. э., когда зарождалась государственность Японии, и продолжался примерно до середины XIX века, то есть фактически до конца эпохи сёгуната Токугава. На этом этапе общественно-политическая мысль Японии носила в основном синкретичный характер и геополитических концепций, как таковых в самостоятельном виде еще не существовало. Размышления о роли и месте Японии в международных отношениях выступали в качестве одного из элементов в рассуждениях о внутреннем устройстве общества и путях его совершенствования.

Геополитическая модель мира, характерная для японцев того времени, находилась под преобладающим влиянием китайского конфуцианства. В период династии Токугава сунское конфуцианство (неоконфуцианство) выступало в качестве официальной идеологии страны. Особый акцент делался на различиях, существующих между «законными» и «незаконными» правителями, а также на противопоставлении конфуцианской (то есть китайской и японской) цивилизации зарубежному варварству (с. 13-14). Однако со временем у ряда мыслителей пиетет перед Китаем уступает место ярко выраженному японоцентризму. Так, Мотоори Норинага (1730-1801) утверждал божественное происхождение Японии и превосходство японских национальных ценностей над китайскими (с. 17). В целом же, «традиционалистская геополитическая модель мира, сложившаяся на заре японской государственности, обладала высокой степенью устойчивости. Она сохранила свои основы не только на протяжении средневековья, но и в тот период времени, который в Европе связывается с наступлением нового времени» (с. 9).

Что касается фактической внешней политики, на протяжении средневековья Япония не предпринимала усилий для завоевания соседних стран. В. Совастеев объясняет это тем, что «воинственная энергия феодалов истощалась внутри страны, направляясь на междоусобные войны и внутреннюю колонизацию северо-восточных районов страны» (с. 7). Единственным крупным проявлением внешней экспансии стали корейские походы Тоётоми Хидеёси в конце XVI века.

К середине XIX века стало совершенно очевидно, что традиционалистская геополитическая модель не отвечает требованиям времени. Изоляционизм сёгуната Токугава тормозил развитие страны и грозил превратить Японию, вслед за Китаем, в легкую добычу западных держав, осуществлявших активную экспансию в Восточной Азии. 1850-60-е годы явились для Японии эпохой интенсивной борьбы политических сил и идеологий, кульминацией чего стали: ликвидация сёгуната, восстановление власти императора в 1868 году и отказ от политики изоляции от внешнего мира. В общественном мнении Японии победила точка зрения о пагубности сохранения системы закрытого государства. Япония вошла в глобальную систему международных отношений, хотя пока в качестве неравноправного ее субъекта.

Имея перед глазами печальный пример Китая, превращавшегося в полуколонию европейских империй, японские государственные лидеры и мыслители искали пути сохранения и укрепления национального суверенитета. Были выдвинуты формулы: «японская мораль, западная техника» и «богатое государство, сильная армия». Упор был сделан на заимствование наиболее эффективных иностранных технологий и общественно-политических институтов для форсирования экономического развития и создания мощных вооруженных сил. В этот период появляются и первые геополитические программы внешней экспансии. Так, выдающийся политический мыслитель Ёсида Сёин (1830 – 1859) заявлял: «Мы должны не только поддерживать то, что имеем, но также расширять нашу территорию, насколько это возможно». Он считал, что Япония должна захватить Корею, Китай и даже Индию (с. 44).

Сущностью следующего этапа геополитической эволюции Японии, который охватывает конец XIX – начало XX веков, является укрепление атлантистской ориентации Страны восходящего солнца. Одним из постулатов внешней политики стала концепция «дацуарон» («уход из Азии»), которая утверждала, что, Япония, хотя и находится в Восточной Азии, не должна приравниваться к Китаю, Корее и другим азиатским государствам. В. Совастеев приводит красноречивую цитату основателя японского либерализма западного толка Фукудзава Юкити (1834 – 1901): «Мы не должны ждать соседние страны... Мы должны покинуть их ряды и присоединиться к цивилизованным государствам Запада на пути прогресса. Мы не должны вступать в какие-то особые отношения с Китаем и Корей, но вести себя с ними в той же манере, что и западные страны» (с. 68).

Одним из главных шагов Японии в этом периоде стало заключение союза с Великобританией в 1902 г. Альянс с самой могущественной европейской державой стал не только символом западной ориентации страны, но и позволил значительно укрепить стратегические позиции Токио в назревающем конфликте с Россией.

Еще одной тенденцией явился рост националистических и шовинистических настроений в обществе, важными катализаторами которых выступали возникшие к концу XIX века политические партии и массовая пресса. Как отмечает автор книги, неправительственные круги (политические партии, общественные организации, свободная пресса) часто занимали во внешнеполитических делах более жесткую позицию, чем

правительство (с. 70).

Рост экономического и военного потенциала, подъем национализма, стремление подражать западным великим державам и не уступать им – все это толкало Японию на путь войн и захватов. Основными вехами в становлении японского империализма стали войны с Китаем (1894-95), Россией (1904-05), аннексия Кореи (1910). Создававшиеся в этот период геополитические концепции (например, доктрина создателя новой японской армии Ямагата Аритомо) обосновывали необходимость такой агрессивной политики.

Все большее значение во внешней политике Японии приобретала доктрина «особых интересов» в Китае, выразившаяся, в частности, в предъявлении «21 требования Китаю» в 1915 г. Курс Токио на подчинение Китая все больше вступал в противоречие с атлантистской ориентацией и вел к конфликту с западными странами, прежде всего с США. 1920-е годы были отмечены противоборством двух тенденций в японской внешней политике. Первая предполагала сдержанное и осторожное поведение на международной арене. Ей противостояли сторонники «активной», наступательной и агрессивной, внешней политики, которая таила в себе зародыш войны против всех (с. 95). Появляются геополитические доктрины установления японской гегемонии не только в Китае и Восточной Азии, но и во всем мире. К концу 1930-х Япония сделала окончательный выбор в пользу крупномасштабной экспансии в Азии. Официальное признание получили концепции «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», «восемь углов под одной крышей» и «Нового порядка в Великой Восточной Азии». По сути, они означали намерение Японии добиться единоличного господства в регионе, пусть даже ценой войны с западными державами. Ради достижения этой цели Япония пошла в 1940 г. на заключение Тройственного пакта с Германией и Италией, который признавал «руководящее положение» Токио в Восточной Азии.

Поражение Японии во Второй Мировой войне ознаменовало начало принципиального нового этапа ее геополитики. В ее основу была положена «доктрина Ёсиды», сформулированная в начале 1950-х годов премьер-министром Ёсида Сигэру (с. 117). Ее суть заключается в том, что Япония отказывалась от самостоятельной военно-стратегической роли и полагалась для обеспечения своей безопасности на альянс с США, в рамках которого Токио фактически соглашался на положение младшего партнера. В то же время Япония, под надежным прикрытием американского военного зонтика, могла сосредоточиться на социально-экономическом развитии и торговле, что позволило ей стать второй по хозяйственному потенциалу державой современного мира.

В. Совастеев отмечает, что с распадом Советского Союза геостратегическая ситуация вокруг Японии, как это ни парадоксально, усложнилась (с. 127). «Доктрина Ёсиды», которая с различными модификациями столь эффективно работала в годы холодной войны, оказалась уже не вполне адекватна изменившимся вызовам и угрозам. Однако в 1990-е годы у Японии так и не появилось новой геополитической доктрины. В отсутствие операциональной стратегии провозглашались «три столпа» внешней политики: 1) японо-американские отношения как основа внешней политики страны; 2) укрепление отношений с АТР; 3) участие в решении глобальных проблем (с. 128-129).

К сожалению, автор заканчивает свое повествование об эволюции японской геополитики 1990-ми годами. Между тем, как нам кажется, имело бы смысл проанализировать и те тенденции, которые проявились в 2000-е годы. Ведь именно в начале XXI века в Японии все громче стали раздаваться призывы к отказу от «неестественных» самоограничений в военно-политической сфере, к превращению Японии в «нормальную

страну», стратегический статус которой соответствовал бы ее экономическому потенциалу. Эти новые тенденции базируются на ряде важных факторов. В их числе – приход к власти более молодого поколения политиков, не испытавших лично трагедию Второй Мировой войны; вызов со стороны «поднимающегося Китая»; ракетно-ядерная угроза Северной Кореи; неуверенность в надежности гарантий безопасности, предоставляемых Америкой.

Книга В. Совастеева хорошо показывает своеобразную, «консенсусную», природу японской геополитики. В истории страны периоды острых споров и противоборства идей относительно оптимальной внешнеполитической стратегии, как правило, завершались формированием коллективного консенсуса и консолидацией общества вокруг избранного курса. Японская внешняя политика носит деперсонифицированный характер, она обычно не ассоциируется с отдельными «великими» деятелями. Почти всегда – она коллективный продукт политической и интеллектуальной элиты. Так, мы можем утверждать, что определяющую роль во внешней политике, например, Франции, Германии и России соответствующих исторических эпох играли Наполеон, Бисмарк и Путин. В Японии же довольно затруднительно назвать имя человека, который бы нес главную ответственность за политику страны (как внутреннюю, так и внешнюю). Можно ли, скажем, определить государственного лидера, ответственного за агрессию Японии в 1930-40-е годы? Это верховный глава государства император Хирохито? Военный премьер-министр генерал Тодзио? Или автор концепции «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» принц Коноэ Фумимаро? Одно из немногих исключений можно найти в конце XVI века, когда фактическим диктатором страны и единоличным руководителем ее внешней политики был полководец Тоётоми Хидэёси.

Вполне возможно, что в Японии сейчас созревает очередная коллективный консенсус о национальной геостратегии. Скорее всего, новый вариант геополитической доктрины будет подразумевать более значительную степень автономии Японии и отход от безоглядного следования в фарватере американской политики, а также углубление интеграционных связей с восточноазиатскими странами. Не исключено, что Токио возьмет курс на более тесное стратегическое сотрудничество с Пекином. Правда, для этого японцам придется преодолеть ряд своих психологических комплексов в отношении Китая. Симптоматичными в этой связи являются: победа на выборах в августе 2009 г. оппозиционной Демократической партии Японии и первые внешнеполитические шаги нового премьер-министра Хатояма Юкио, которые интерпретируются многими наблюдателями, как явный разрыв с внешнеполитическими установками правившей полвека Либерал – демократической партии.

Хотя в работе В. Совастеева нет отдельной главы, посвященной японо-российским отношениям, эта тема не обойдена вниманием. Автор, в частности, указывает на исторический факт, о котором у нас по понятным причинам не очень любят вспоминать. Речь идет о нападениях российских кораблей «Юнона» и «Авось», которые они по негласному указанию главы дипломатической миссии в Японию Н.П. Резанова совершили в 1806-07 гг. на японские поселения на Южном Сахалине и Южных Курилах (с. 28-29). Таким способом Японию пытались побудить к открытию торговых и дипломатических отношений с Россией. Этот печальный эпизод в немалой степени способствовал формированию в Японии стойкого представления об «угрозе с Севера».

Казалось бы, все это дела давно минувших дней. Но ведь у многих японцев до сих пор сохраняется мнение о нашей стране как о жестоком и грубом «северном медведе» и Россия отнюдь не входит в список наиболее симпатичных японцам государств. Дело тут не только в проблеме Юж-

ных Курил и деятельности японских правых радикалов. Сама Россия периодически подкрепляет свой мрачный имидж, например, открывая огонь на поражение по японским рыбакам-браконьерам. Споры нет – надо защищать свои морские биоресурсы. Но стоит ли делать это именно таким образом? Ведь Япония могла бы стать если не геополитическим нашим союзником, то очень ценным партнером. В книге В. Совастеева описаны моменты, когда среди японской элиты образовывались довольно влиятельные группировки, выступавшие за пророссийскую ориентацию. Но они никогда не одерживали верх. В том числе и по вине самой России, негибкое поведение которой, как, например, в период, предшествующий началу русско-японской войны, играло на руку сторонникам антиросийской линии.

После прочтения книги профессора В. Совастеева возникает впечатление, что японская геополитика, как будто следуя канонам буддизма, являет собой цепь перевоплощений, настолько по-разному и контрастно выглядят этапы ее эволюции. Самоизоляция эпохи Токугава сменяется бурным развитием внешних связей периода Мэйдзи. Агрессивный милитаризм и попытки создать восточноазиатскую империю уступают место пацифистскому меркантилизму. Судя по всему, сейчас геополитика Япония стоит на пороге очередного перевоплощения. Перевоплощения, которое опять может удивить многих.

